

ОТДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

БИБЛЕИСТИКА

ИЕРОМОНАХ ФИЛОФЕЙ (АРТЮШИН)

«ИДИТЕ, НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ...»: ХРИСТОС И УЧЕНИКИ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ¹

УДК 22.07 (226.2)

Аннотация

Автор статьи задается вопросом о том, как выглядит идеал ученого монашества. Служащий примером для подражания духовный облик христианского учителя и ученика рассматривается им на примере отношений научающего Христа и учащихся апостолов в Евангелии от Матфея, в контексте нарративного анализа. Суть этой учебы заключается в подражании Кроткому и Смиренному сердцем Христу (Мф. 11, 29): непрестанном духовном возрастании, в безропотном прохождении евангельской школы смирения, в самоотречении и следовании за Учителем на пути страданий. Наглядной иллюстрацией этому, с герменевтической точки зрения, служит путь читателя, постепенно укореняющегося в этом учении и становящегося подлинным учеником Христа в процессе внимательного и творческого прочтения евангельского нарратива. Выбор именно этого Евангелия автор объясняет тем, что идеальная картина учебного процесса, приносящего видимые результаты, отсутствует у прочих евангелистов,

¹ Данная статья является расширенной версией доклада, прочитанного в МДА на ежегодном Покровском Академическом акте, 14 октября 2016 г. и приуроченного к теме ежегодной Покровской научно-богословской конференции МДА «Ученое монашество в прошлом и настоящем».

в то время как у Матфея она становится средоточием многих характерных для евангелиста богословских тем: «Церковь малых», маловерие, праведность, милосердие, единство двух Заветов. Также описываются исторические реалии, обусловившие возникновение Евангелия как такового и богословских акцентов, затрагивающих идеал ученика.

Ключевые слова: Евангелие от Матфея, нарративный анализ, текст, стратегия, апостолы, следование за Христом, ученик, учитель, Церковь, вера.

Образовательный процесс представляет собой непрерывный поиск адекватных научных категорий и ценностных ориентиров, способных обеспечить плодотворное сотрудничество между учениками и учителем, с одной стороны, и между самими учениками — с другой. Говоря об идеале ученого монашества, невозможно обойти стороной и такой немаловажный вопрос, как личный духовный опыт учителя и воспитанников и сопряженная с научной деятельностью, не менее интенсивная духовная работа над собой, которые приобретают решающее значение в формировании облика цельного и подлинно христианского ученого и с той, и с другой стороны. В связи с этим хотелось бы рассмотреть, на каких основаниях зиждется евангельский идеал взаимоотношений учащих и учащихся на примере Евангелия от Матфея. Наш выбор не случаен, ведь, ежедневно молясь у раки прп. Сергия, мы постоянно слышим преподобническое зачало из этого Евангелия², прославляющее монашеский подвиг святых, которые, подобно авве Сергию, *научились* у Самого Христа и *научили* других совершенной праведности и святости.

Читая и перечитывая эти и другие евангельские строки, нетрудно заметить, что образы Христа и учеников здесь необыкновенно рельефны, глубоки и величественны и являют собой единое целое благодаря единому стремлению *учить* — со стороны Мессии и *учиться* — со стороны Его последователей³. Более того, подчеркнем, что монашеский

² См. Мф. 11, 27–30.

³ В данных случаях в Евангелии употребляются соответственно глаголы *διδάσκω* и *μαθητεύω*. Статистика употребления этих и прочих глаголов, относящихся к данному

идеал Учителя наиболее ярко среди евангелистов освещен именно Матфеем, что, несомненно, было одним из факторов, обусловивших необыкновенную популярность, которую нискало это Евангелие с самого момента зарождения Церкви (I—II вв.), и не в последнюю очередь именно в монашеских кругах⁴. Действительно, оно было наиболее читаемым, комментируемым и используемым в Литургии и во многих других областях церковной жизни⁵, в том числе и благодаря обилию содержащихся в нем духовно-нравственных наставлений, четко регламентирующих укорененный в Писании аскетический идеал *святости*. Заметим к тому же, что идеал этот органически связан с упомянутым выше мотивом *обучения*, поскольку является его отправной точкой и логическим следствием: в нем мы и почерпнем материал для воссоздания облика ученого монаха, скрывающегося за образностью языка и богословскими аллюзиями евангелиста. Нам предстоит теперь

семантическому полю (например, *μαθητεύω*), в первом Евангелии указывает на то, что *учение* Христа в нем является краеугольным камнем в духовном становлении и формировании полноценного образа учеников Христовых. В Евангелии от Марка, к примеру, наблюдается прямо противоположная картина, поскольку ученики здесь обнаруживают полную беспомощность в постижении евангельской науки и постоянно входят в видимое противоречие с программой Царства, *грядущего в силе* (Мк. 9, 1).

⁴ В Правилах западного монашества (ср.: *Regula non bullata* францисканского ордена) регулярно дается ссылка на Мф. 19, 21 как на непревзойденный идеал *совершенства*, первый и потому наиболее важный *евангельский совет* (*consilium euangelicum*): ср.: *Ambrosius*. Vid. 12 // PL 16, 256; *Augustinus*. Sermo 86.2. 8—9. 14 // PL 38, 524. 527. 530. Ср.: Luz 1990. Bd. 3 (Mt. 18—25). S. 131—137. Евангельские слова (Мф. 10, 38; ср.: пар. Мк. 8, 34; Лк. 9, 23) о *крестоношении*, исполненные особой силы в версии Матфея, понимались монахами древности буквально, как об этом сообщает прп. Иоанн Кассиан Римлянин: “Quod quidam districtissimi monachorum... simpliciter intellegentes fecerunt sibi cruces ligneas easque jugiter umeris circumferentes non aedificationem, sed risum cunctis videntibus intulerunt” (Некие суровейшие из монахов... по своей простоте так понимали это слово, что делали себе деревянные кресты и постоянно носили их обвязанными вокруг плечей, чем доставляли всем видящим не наставление, а вызывали смех): *Johannes Cassianus Romanus*. *Collationes* 8, 3 / Ed. Dom E. Pichery. P., 1958 (SC 54. P. 12).

⁵ См.: Grilli 2011. P. 9.

более пристально перечитать избранные места Евангелия, по крайней мере имплицитно указывающие на этот высокий идеал, и представить в виде целостной композиции плоды такого творческого прочтения библейского текста как связного и последовательного рассказа⁶.

Итак, рассмотрим, в каком контексте и в какой последовательности встречаются в евангельском повествовании *сцены*, наиболее ярко характеризующие евангельскую педагогику Христа и отражающие достигнутые Им результаты, на примере учеников, все глубже укореняющихся в уразумении тайн Царства Божия и постепенно оставляющих все, чтобы приобрести *сокровище на небесах*⁷. Приведем для наглядности нарративную композицию Евангелия, в соответствии с которой мы и построим наш анализ⁸:

Нарративная композиция Евангелия от Матфея

Пролог: *Родословная (1, 1–17)*

Введение:

А. *Происхождение Иисуса (1, 18 – 2, 23)*

В. *Приготовление и явление миру (3, 1 – 4, 16)*

Часть первая: *Служение в Галилее (4, 17 – 16, 20)*

Сценарий: *4, 17–25*

А. *Нагорная проповедь (5–7)*

⁶ Таковы постулаты *нарративного* анализа, в рамках которого и мы рассмотрим Евангелие как стратегически выстроенный рассказ, ориентированный на целостное восприятие заложенной в нем богословской композиции со стороны *читателя*. См.: Филофей (Артюшин), иерод. 2015.

⁷ Мф. 19, 21.

⁸ В основу данной композиции положены исследования двух видных специалистов в области Нового Завета: М. Грилли и У. Луца. См.: Grilli 2011. P. 10–12; Luz 1990. Bd. 2. См. ниже: Примеч. 82.

ХРИСТОС И УЧЕНИКИ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ

- А'. Секция чудес (8, 1 — 9, 35)
- В. 12 апостолов — миссионеры Царства (9, 36 — 11, 1)

Церковь учеников (11–16)

- В'. Реакция на проповедь Христа (11, 2 — 12, 50)
- С. Проповедь в притчах (13, 1–52)
- С'. Реакция на проповедь Христа (14, 1 — 16, 20)

Часть вторая: На пути и в Иерусалиме (16, 21 — 28, 15)

- А. Пророчества о крест. страданиях (16, 21 — 17, 27)
- А'. Проповедь *ad intra*: Церковь «малых» (18)
- В. Путь и служение в Иерусалиме (19–22)
- В'. Проповедь в Иерусалиме (23–25)
- С. Страдания и Воскресение Христово (26, 1 — 28, 15)

Эпилог: Завещание Воскресшего (28, 16–20)

В Евангелии детства⁹ уже слышны намеки на внимательное и кропотливое изучение событий, сопровождающих рождение в мир Мессии. Первые и потому наиболее важные строки Евангелия — своеобразная богословская программа евангелиста — посвящены *родословной Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова*¹⁰. В искусном распределении всей ветхозаветной истории на три этапа — по 14 поколений в каждом¹¹ — уже прослеживается внимательное изучение и самобытное осмысление Домостроительства спасения со стороны самого евангелиста Матфея¹². Его цель — показать, что Родившийся в Вифлееме

⁹ Лк. 1–2.

¹⁰ Мф. 1, 1.

¹¹ Мф. 1, 17.

¹² Это касается всего Евангелия, построенного по дидактическому принципу. Действительно, в сравнении с евангелистом Лукой Евангелие от Матфея имеет большую органичность, поскольку его автор систематично выстраивает текст; упорядочивает, придает

Богомладенец не только является полноправным членом израильского народа, но и имеет все основания претендовать на Царство. Именно в лице Царя Иудейского¹³ приходят в исполнение, достигают полноты времен все ветхозаветные пророчества, которым предстоит наполнить новым смыслом новозаветную историю спасения. И не случайно именно эти темы — мессианское Царство и исполнение Ветхого Завета в Новом — будут лейтмотивом всей проповеди Христа, станут излюбленным предметом преподаваемого Им евангельского учения.

Первыми представителями научной элиты, встающими на путь изучения мессианской тайны, являются язычники-волхвы, пришедшие издалека поклониться новорожденному Царю. Именно к ним обращается Ирод, дабы с точностью выведать о времени появления звезды; кроме того, эти мудрецы по повелению царя должны будут провести самое тщательное расследование¹⁴, чтобы установить местонахождение

целостность, последовательно представляет отдельные эпизоды и сцены, тем самым побуждая читателя следовать по пути, проложенному им. Так, например, в Нагорной проповеди, как мы увидим ниже, гл. 5–7 представляют собой образец с точки зрения синтаксиса, литературной формы и содержания. «Такая органичность и систематичность, в конечном итоге, и сделали это Евангелие необыкновенно удобным для катехитического использования, ведь оно сопровождает читателя в процессе познания тайны Личности Христа, с методологической и дидактической тщательностью» (Grilli 2011. Р. 6).

¹³ Мф. 2, 6 = Мих. 5, 2.

¹⁴ В этих двух стихах (Мф. 2, 7–8) присутствуют однокоренные лексемы: ἡκριβώσεν и (ἐξετάσατε) ἀκριβῶς. Глагол ἀκριβῶς указывает на кропотливое и внимательное изучение предмета, соединенное со всесторонним пониманием и осмыслением его мельчайших особенностей. Прекрасным примером подобного рода может служить фигура ученика, реконструируемая из книги Деяний и посланий ап. Павла (ср.: Деян. 18, 25–26; 24, 22; Еф. 5, 15; 1 Тим. 5, 2): преимущественно на основании сведений автобиографического характера, где апостольский авторитет Учителя языков — ревнителя по Боге — находят подтверждение в его прошлом, отмеченном исключительной ревностью об изучении и сохранении в чистоте иудейского Закона. Действительно, в Деян. 22, 3 (ср. Деян. 26, 5) находим этот яркий образ ученика, воспитанного при ногах Гамалиила и тщательно наставленного им в отеческом законе.

Мессии, но успех этим поискам обеспечит не что иное, как свет и траектория движения Вифлеемской звезды¹⁵. Таким образом, из событий, описанных в Евангелии детства, мы узнаем, что интеллектуальный путь постижения тайны Боговоплощения приводит различных персонажей к совершенно различным результатам в зависимости от внутреннего расположения каждого из них и конкретных целей и задач, которые они перед собою ставят. Ирода, да и весь Иерусалим в лице первосвященников и книжников, известие волхвов повергает в страшное *смятение*¹⁶, ведь предначертанный свыше Божественный план идет вразрез с их корыстными и амбициозными целями. Пророчество Михея о рождении Мессии, наглядно выражающее волю Божию, воспринимается Иродом как угроза собственной власти и влечет за собой череду непоправимых злодеяний, о которых также провозвещали пророки¹⁷. Этот негативный опыт, а именно изучение слов Писания, пророчащих смерть и страдания, необходимо равным образом принять как данность, чтобы вступить на путь ученика Мессии, с самого начала отвергнутого миром в ознаменование той участи, которая Ему уже уготована в самом Его имени *Иисус*, то есть Спаситель¹⁸.

Глагол ἐξετάζω имеет значение *исследовать, тщательно рассматривать, испытывать* (см.: Liddell-Scott Lexicon) и, будучи распространен за счет близкого по смыслу наречия ἀκριβῶς (*точно, тщательно, достоверно, правильно*), приобретает эмоциональную окраску плеонастического усиления, по аналогии с усилительными формами в древнееврейском языке. Для эффузии значения, выражаемого личной формой глагола, в таких случаях ему предшествует однокоренный абсолютный инфинитив: יתבונן: יתבונן (Иер. 12, 16). Ср.: Грилихес Л., свящ. 1996. С. 150–151.

¹⁵ Ср. Мф. 2, 9.

¹⁶ Мф. 2, 3; ср. 21, 10. В греч. оригинале стоит гл. *ταράσσω* в пассивной форме, *ἐταράχθη*, так называемый *passivum divinum*, что указывает на Божественное вмешательство в происходящие события.

¹⁷ Ср. Иер. 31, 15.

¹⁸ Мф. 1, 21 (*Иисус*, в греч.: Ἰησοῦς). Этимология, приводимая евангелистом (Σωτήρ), происходит от евр.: ישוע.

Таким образом, знание и кропотливое изучение Писания, олицетворением которых являются книжники и фарисеи — будущие оппоненты Христа, становится бесплодным и даже пагубным занятием перед лицом кардинальных перемен, которые приносит в мир Родившийся Мессия. Их опытно переживают именно чужестранцы, далекие от веры Израиля волхвы, первыми доносящие это радостное известие до слуха богоизбранного народа, становясь тем самым новыми глашатаями Бога и также первыми преклоняющими колена перед яслями Богомладенца¹⁹. Изучение небесных светил и главным образом звезды, которая приведет их в Вифлеем, становится символом пути к вере, сопряженного с опытным постижением евангельского учения, который откроется перед читателем в лице первых учеников Христа. Важно отметить, что в истории волхвов уже просматривается

¹⁹ Ср. Мф. 2, 11. Глагол *προσκύνησεν* имеет явный религиозный оттенок (в смысле *богопочитания*) не только в Евангелии от Матфея (ср. Мф. 14, 33; 28, 17), но и повсеместно в Новом Завете (ср.: Деян. 10, 25; Евр. 11, 21). Среди евангелистов последовательно развивает этот мотив и помещает его в свою богословскую композицию именно Матфей. Так, в пустыне искусьитель требует от Христа поклониться ему (Мф. 4, 9–10); ученики, бывшие в лодке, кланяются Спасителю после укрощения Им бури (Мф. 14, 33), тем самым признавая Его Божественное достоинство. В притче о двух должниках *поклонение* господину со стороны слуги (Мф. 18, 26) имеет целью подчеркнуть необходимость подобного отношения к Господу со стороны Его ближайших учеников и будущих последователей — «идеальных» учеников: ср. Мф. 8, 2; 9, 18; 15, 25. См.: Greeven 1959. S. 674–675. Как мы увидим впоследствии, их смиренное падение ниц перед Христом является одним из ярких проявлений исключительности их призвания и неуклонного следования по стопам Господа. Это одновременно и врожденное духовное дарование, отличающее евангельскую модель «ученика Христова», по Матфею: исключительная близость и полная зависимость от Него, единство жизни с Учителем на пути уподобления Ему и постижения Его евангельской науки, радикализм отречения от мира и от самого себя со стороны последователя Мессии (ср. Мф. 10, 37–39). Символом такого беспрекословного повиновения Божественной воле и сопряженного с ней пути — узкого и неизведанного — и служит странствование волхвов, всецело доверившихся, на первый взгляд, эфемерной и ускользающей от глаз реальности — мерцанию таинственной звезды.

последующее призвание *язычников*, научить которых должны будут сами ученики²⁰. Теперь, следуя по стопам ближайших учеников и слушателей Христа, проследим, как постепенно приводится в исполнение эта богословская программа.

Наиболее яркой и насыщенной в богословском отношении секцией, открывающей Евангелие и содержащей все учение Христа в миниатюре, является Нагорная проповедь²¹. В сравнении с евангелистом Лукой²², в повествовании которого говорится о равнинном месте, где присутствует, помимо *многочисленных учеников, и множество народа*, Матфей рисует идеальную сцену, воскрешающую в памяти ветхозаветное событие дарования Закона на горе Синай²³, где Моисей является посредником между Богом и израильским народом. Аналогичным образом и в Евангелии ученики становятся привилегированными слушателями Христа и получают от Него, в знак заключенного между ними завета, духовное руководство: *заповеди Учителя*, в соответствии с которыми им надлежит проходить евангельскую школу и опытно постигать ее законы и правила. Именно здесь, в лаконичном замечании евангелиста, предельно ясно обозначен идеал Учителя: *«И Он, отверзши уста Свои, учил их...»*²⁴. С формальной стороны, учение Христа изложено преимущественно в форме императива и сменяющих друг друга *антитез* по типу: *«Вы слышали, что сказано древним?... А я говорю вам...»*²⁵. Как может показаться на первый взгляд, целью такой образовательной тактики является кардинальное изменение всего предшествовавшего до сих пор учения, упразднение *ветхого* и созидание на его месте чего-то *нового*. Однако становится понятно, что с точки зрения содержания евангельский Закон, выдвигаемый Христом, до *единой йоты, до единой черты* исполняет ветхозаветное законодательство и ни в коем случае не отменяет *старое* как что-то ненужное или обветшавшее, но, напротив, доводит

²⁰ Ср. Мф. 28, 18–20.

²² Лк. 6, 20.

²⁴ Мф. 5, 2.

²¹ Мф. 5–7.

²³ Ср. Исх. 19–20.

²⁵ Ср. Мф. 5, 21–22.

его до совершенства²⁶. Этот принцип заложен и в самой программе Нагорной проповеди, во главе которой не случайно стоят заповеди блаженства с их стратегически выстроенной иерархией добродетелей, с укорененным в них идеалом *святости*²⁷, на который указывают *весь Закон и Пророки*²⁸. Может показаться, что логичнее было бы поместить их не в начале, а в конце как кульминацию всей проповеди Христа, завершающейся призывом *радоваться* и обещанием *наград на небесах*²⁹, но в этом и заключается заложенная в ней образовательная стратегия. Действительно, обещание *Царства Небесного* и всего спектра сопряженных с ним духовных благ становится отличительным признаком всех тех, кто готовится стать учениками Христовыми: тех, кого с самого начала не покидает уверенность в том, что Царство, о Котором будет учить Спаситель и Которое в Его лице станет реальностью, видимым образом войдет в их жизнь, поскольку уже сейчас подает им благодать и приносит спасение.

²⁶ Ср. Мф. 5, 17–48. Данная идея, основополагающая для богословия *преемства* двух Заветов в Евангелии от Матфея, находит подтверждение в монографии М. Грилли, емкой по содержанию и новаторской по затрагиваемым в ней вопросам (Grilli 2007). На основании исторического обзора основных герменевтических моделей, посвященных данной теме, и экзегетического анализа основных текстов Священного Писания, ставших классическими (ср.: Иер. 31, 31–34; 2 Кор. 3, 1–18; Гал. 4, 21–31; Рим. 9–11; Лк. 1–2), автор приходит к выводу, что свидетельства Писания можно свести к общему знаменателю, т. е. согласовать их на основании общей идеи, найти в них органическое единство. По убеждению М. Грилли, единство двух Заветов не исчерпывается лишь темой *исполнения*. Ветхий Завет сохраняет самостоятельное значение и по сей день, являясь неотъемлемой частью «единого домостроительства спасения, которое проходит через израильский народ в Аврааме, чтобы распространиться на все народы во Христе. В этом смысле есть один единственный Завет, но существуют различные исторические этапы» (Mello 1987. P. 219).

²⁷ Мф. 5, 3–10.

²⁸ Ср. Мф. 22, 40.

²⁹ Мф. 5, 12.

Таким образом, первоочередная задача ученика Христова еще прежде, чем он приступит к изучению азов евангельской науки³⁰, заключается не только в исполнении заповедей Царства и тем самым доведения Закона до совершенства³¹, но и в обучении этим заповедям других³², по примеру Христа, то есть *в силе слова* и в духе *любви и милосердия*. Именно в этом заключается, по Матфею, *праведность*, которой не знают книжники и фарисеи: которая одного соделывает *большим*, а другого — *меньшим* в *Царствии Небесном*. Как явствует из заповедей блаженства, с приходом Мессии вступает в силу новый закон — *милосердия*, который восполняет древнее законодательство, поскольку призван явить миру иную реальность: ту *правду*³³, исполнить которую Спаситель призывает Иоанна Крестителя на Иордане³⁴. На смену суду и наказанию, равно как и ветхозаветным жертвоприношениям, подробно кодифицированным в Законе, приходит безграничное *милосердие* Бога к грешному человеку.

Таким образом, в лице Христа воплощается образ *кроткого и милосердного Раба Господня*, Который *трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит*. С подробным описанием его педагогической

³⁰ К ним, в частности, относятся и те прообразовательные места Писания, в которых Мессия предстает в образе Страждущего Раба Господня (ср.: Мф. 8, 17 = Ис. 53, 4). Постигание тайны Креста, как и в прочих синоптических Евангелиях, описано Матфеем в негативных терминах, хотя и не с такой категоричностью, как у Марка или, в меньшей мере, у Луки. См. ниже: Примеч. 60.

³¹ В греч. тексте стоит «творить (ποιεῖν) заповеди», что является калькой с еврейского, где выражение $\text{לַעֲשׂוֹת אֶת־הַצִּוְוּוֹת}$ является метафорой исполнения воли Божией и регулярно сопоставляется с мотивом *слышания* (שָׁמַע): ср. Втор. 5, 1.27; 6, 3; 7, 12; 15, 5.

³² Мф. 5, 19.

³³ Понятия правда и праведность, передаваемые в Евангелии от Матфея одним термином $\delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\upsilon\nu\eta$, имеют глубинную связь и отражают богословский замысел евангелиста, не проводящего различия между Божией правдой и человеческой праведностью. В этом смысле праведность понимается как Божий дар (Мф. 6, 33), и ярким ее проявлением становятся любовь (Мф. 25, 37) и милосердие как одна из ключевых богословских тем Евангелия. Ср.: Schrenk 1935. S. 178–225.

³⁴ Мф. 3, 15.

тактики: «...не будет прекословить, не возопит, и никто не услышит на улицах голоса Его», — казалось бы, входят в противоречие следующие слова: «...и возвестит народам суд»³⁵. Но, как мы увидим впоследствии, в этом смиренном и кротком преподавании евангельской науки Христом как раз и будет в первую очередь заключаться залог успеха. В этом смысле и ученики призваны подражать примеру своего Учителя: быть *мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби*³⁶. Наглядно этот евангельский эталон представлен в следующих словах Христа, наполняющих новым смыслом и возводящих на новую высоту само призвание ученика и соответствующее этому призванию отношение к жизни. Во-первых, это отложение всякой многозаботливости, изображаемое *полевыми лилиями*. Подражать им и *облекаться в их славу* означает *искать прежде всего Царствия Божия и правды Его* — в Евангелии в данном случае употреблен глагол *καταμαρτύρω*, который однозначно указывает на необходимость пристально *изучать* соответствующие природные феномены, а не только пассивно наблюдать за ними. Именно в этом контексте впервые появляется термин *ὀλιγόπιστοι* — *малoverы*, который и станет синонимом учеников, постоянно испытывающих страх за собственную жизнь, например, на море, во время сильного шторма³⁷.

Во-вторых, евангельская наука опытно постигается в служении Богу, видимым проявлением которого является служение ближнему: *напоить одного из малых сих, во имя ученика*, то есть в ознаменование особой *благодати*, поданной ученикам в самый момент призвания. Это смиренное служение, в духе кротости и любви, служит символом человеческих взаимоотношений внутри первохристианской общины. В Евангелии от Матфея они именуется «*малыми сими*»³⁸ как в прямом, так и в переносном смысле. Их число невелико, и равным обра-

³⁵ Мф. 12, 18–20; ср. Ис. 42, 1–4.

³⁶ Мф. 10, 16.

³⁷ Ср. Мф. 8, 26.

³⁸ См.: Мф. 10, 42; 18, 6.10.14.

зом незначительна их вера, поскольку она подвержена колебаниям и сомнениям, потому и опасность впасть в *соблазн* или, что еще хуже, подать повод к соблазну становится камнем преткновения на пути учеников. Не случайно для евангелиста Матфея важно подчеркнуть, что Христос называет *блаженными* тех, кто *не соблазнится* о Нем³⁹. Учение Христово потому и провоцирует размежевание в рядах Его последователей, что оно непривычно своей новизной, ведь Спаситель учит их *как власть имеющий*⁴⁰, а не как книжники и фарисеи. Позднее эту власть получают и сами ученики, выходя на проповедь, чтобы по примеру Учителя, *врачевать всякую болезнь и всякую немощь*⁴¹. Интересно, что одно из напутствий, которое они получают в дорогу, готовясь разойтись по городам и весям Израиля, заключается в том, чтобы *тщательно исследовать, выведать*⁴², кто в них является достойным. Подобная работа, очевидно, потребует от них особенных

³⁹ Мф. 11, 6.

⁴⁰ Мф. 7, 29. В Nestle, Aland 1993 (см. в библиографии): *ὡς ἐξουσίαν ἔχων*. Тема сил Христовых достигает кульминации в нарративной секции чудес (Мф. 8–9). Важно отметить, что в евангельском повествовании термин «сила» впервые появляется именно здесь, в заключительных стихах Нагорной проповеди, как промежуточный итог озвученной Христом программы мессианского Царства. Становится понятно, что Его учение обладает исключительной силой уже потому, что имеет Божественное происхождение и соответственно требует от человека, желающего стать учеником Царства, немалых и даже исключительных *усилий* (ср. Мф. 11, 12). В евангельском эпилоге об этом наглядно свидетельствует «божественный пассив» (*passivum divinum*) *ἐδόθη μοι πᾶσα ἐξουσία (дана Мне всякая власть)*. Ср.: Grilli 2016. P. 175.

⁴¹ Мф. 10, 1.

⁴² В данном месте употреблен глагол *ἐξετάζω*, встретившийся нам ранее при описании повеления, которое получают от Ирода волхвы. Таким образом, научные (астрономические) изыскания в первом случае и испытание сердец человеческих (ср. Мф. 15, 19) в другом случае становятся взаимодополняющими и равно необходимыми занятиями, формирующими облик ученика.

духовных дарований, которые они и *получают даром*, чтобы даром и отдавать их⁴³.

В-третьих, ученику не подобает в чем-либо искать превосходства над учителем, поскольку по своему положению он просто не может быть выше него⁴⁴. Очевидно, поэтому с особой торжественностью представлено в Евангелии именно призвание самого евангелиста, бывшего *мытаря* Матфея. Следующая за ним сцена пира в доме Матфея с участием многих *мытарей* и *грешников* знаменательна тем, что в ней из уст Христа впервые звучит императив: «*Пойдите, научитесь!*»⁴⁵, причем обращен он к *фарисеям*, впервые открыто вступающим с Ним в диспут. В лице фарисеев, ревнителей Закона, перед учениками открывается путь опытного изучения и применения в миссионерской практике тех избранных слов Писания, которые наиболее ярко выражают волю Божию о *спасении* грешного человека. Цитата из книги пророка Осии: «*Милости хочу, а не жертвы*»⁴⁶, дважды приведенная в Евангелии⁴⁷, становится

⁴³ Мф. 10, 8.

⁴⁴ Ср. Мф. 10, 24–25.

⁴⁵ Мф. 9, 13. Стилизованная формула «пойди и научись» является привычным для раввинов девизом, символизирующим взаимоотношения учителя и ученика, поскольку обучение не ограничивалось только временем, проведенным на школьной скамье, но происходило и в повседневной жизни, когда ученик в буквальном смысле следовал по стопам учителя. Ср. слова, приписываемые знаменитому Гиллею в Вавилонском Талмуде, в трактате «Шаббат»: b. Shab. 31a. Важно подчеркнуть, что здесь звучит призыв не столько к интеллектуальной деятельности по изучению Торы, сколько к практическому выполнению ее предписаний. Отсюда, кстати, происходит и само понятие *галаха* (от евр. הלכה «ходить»: толкование Закона). В трактате Киддуш (b. Qid. 40b), например, приводится дискуссия раввинов о соотношении учебы и практической деятельности. Принятое ими решение интересно в силу того, что они не отрицают необходимости *учебы*, но, несмотря на это, рассматривают ее только в *практическом* смысле. Ср.: Artyushin 2009. P. 71. Примеч. 287; Stefani 1995. P. 145–146.

⁴⁶ Ос. 6, 6.

⁴⁷ Ср. Мф. 12, 7.

квинтэссенцией всего учения Христа. Образ милосердного Пастуха, с жалостью⁴⁸ взирающего на вверенную Ему паству — на *изнуренное и рассеянное стадо погибших овец дома Израилева*⁴⁹, становится идеалом учеников, готовящихся взять на себя *легкое бремя* Христова⁵⁰.

11-я глава Евангелия служит своеобразным нарративным водоразделом, поскольку с этого момента проповедь Мессии из сферы *слов* перейдет исключительно в сферу конкретных *дел*⁵¹. Кульминационным моментом в повествовании становится призыв Христа, обращенный ко всем *труждающимся и обремененным*, помимо народа Израильского, в схожих чертах описанного выше, можно отнести и к более широкому кругу лиц — ко *всем народам*, которых Христос уже принимает в лице

⁴⁸ Глагол *σπλαγγίζομαι* играет стратегическую роль в евангельской композиции Матфея, являясь одним из маркеров темы *милосердия*, органически связанной с богословием Мессии в первом Евангелии. Ср. Мф. 14, 14; 18, 27; 20, 34. Не менее важным является термин *милость* (ἔλεος; евр. רַחֻם), фигурирующий в вышеупомянутой цитате из книги пророка Осии (Ос. 6, 6). Этот ветхозаветный текст не случайно дважды приведен в Евангелии в стратегически важных местах повествования: в момент призвания мытаря Матфея и во время диспута с фарисеями по поводу сорванных в субботу колосьев (Мф. 9, 13; 12, 7). Ср.: Guidi 2016.

⁴⁹ Мф. 9, 36; 10, 6.

⁵⁰ Ср. Мф. 11, 30.

⁵¹ В самом начале главы (Мф. 11, 2) появляется характерное для данной секции Евангелия (Мф. 11, 1–16, 20) выражение τὰ ἔργα τοῦ Χριστοῦ (*дела Христовы*). Как отмечает М. Грилли, здесь поднимается целая череда вопросов, затрагивающих мессианизм Христа, а именно: о Ком свидетельствуют *дела милосердия*? Ответом на этот центральный вопрос данной нарративной секции Евангелия (Мф. 11–16) является исповедание Петра (Мф. 16, 16) как кульминация всего повествования. Таким образом, «Петр узнает, что в «делах Христа» открывается Мессия, Сын Бога Живого» (Grilli 2011. P. 11–12). Именно здесь, в ответной реплике Иисуса (ст. 18), впервые появляется термин «церковь» (ἐκκλησία). Отсюда следует важный вывод: экклезиология в Евангелии от Матфея основывается на христологии (Там же. P. 79). От того, каким видит и как исповедует Христа постепенно складывающаяся община учеников, *малых сих*, и будет зависеть ее идентичность.

мытарей и грешников в число Своих избранных слушателей и учеников. Второй императив: «*Научитесь от меня!*» — черпает силу именно в личном примере *кроткого и смиренного сердцем* Мессии⁵². На смену всей предшествующей проповеди *Пророка, сильного в слове*⁵³, приходит живой пример Учителя, пример дел *милосердия*, в которых достигают полноты слова Писания и сама евангельская христология. С этого времени интеллектуальный уровень учеников и народных масс, следующих за Христом, становится постоянным объектом сравнения. Слова пророка Исайи наглядно иллюстрируют скрывающийся за этим Божественный план спасения, в соответствии с которым *тайны Царствия Божия*, с одной стороны, открываются *младенцам*, то есть простым необразованным ученикам, так и оставаясь тайной для *мудрых и разумных* — все тех же книжников и фарисеев; а, с другой стороны, *сердце* богоизбранного народа *черствеет*, становится невосприимчивым к словам и делам Мессии и уже не способно их *уразуметь*⁵⁴.

Таким образом, разумение тайн Божиих является отличительным признаком евангельских учеников, чьи *очи* и *уши* блаженны уже в силу того, что они *видят* дела и *слышат* слова Христа. Важно заметить, что эта исключительная прерогатива учеников является не чем иным, как откровением свыше, даром Бога Отца⁵⁵ и потому не может быть приписана ни их усердию, ни каким бы то ни было врожденным дарованиям.

⁵² Это ключевые для евангельской христологии слова, имеющие уникальное звучание и вызывающие резонанс не только в Евангелии от Матфея, но и во всей новозаветной письменности. Отметим также, что спектр значений этих слов раскрывается на многих уровнях: как на богословском, так и на чисто практическом, в сферах морально-нравственной, педагогической и учебно-дидактической. Ср. панорамное исследование данного текста: Kim 2005.

⁵³ Ср. Лк. 24, 19.

⁵⁴ Ср. Ис. 6, 9–10. Глагол *συνίημι* появляется в секции притч (Мф. 13) не случайно, поскольку создает идейный фон для более рельефного и контрастного выделения фигур учеников, уже утвердившихся в учении Христа.

⁵⁵ Ср. Мф. 11, 25.

Эту особую благодать привлекает их духовное устройство, делающее их сродными Христу и даже более близкими, чем сами родственники Господа по плоти⁵⁶: нищета духовная, кротость и простота, жажда правды Божией, милосердие и миролюбие⁵⁷. Научиться этой *высшей праведности*, по Матфею, означает научиться всему и в совершенстве исполнить Закон.

Важным итогом всего пройденного учениками пути является стратегический диалог, которым завершается секция притч⁵⁸. На вопрос Христа: «*Поняли ли вы все это?*» — ученики отвечают утвердительно⁵⁹. Такая идеальная картина учебного процесса, приносящего видимые результаты, отсутствует у прочих евангелистов⁶⁰ и потому обостряет наш интерес к богословскому замыслу Матфея, который видимым образом приоткрывается именно здесь, в самом центре Евангелия! Перед взором учеников впервые наглядно предстает идеал ученого, к которому им и надлежит стремиться, постигая евангельскую науку. Это *книжник, научившийся* или, лучше сказать, *ставший учеником Царства Небесного, выносящий из сокровищницы* своего сердца *новое и старое*⁶¹. В этом образном и лаконичном сравнении заключается соль всего учения Христа, концентрирующего внимание на *внутреннем* и сокровенном, на тайниках сердца, обнажающих намерения и помыслы каждого. В этом смысле стать учеником Царства означает не только правильно понять и сделать своим достоянием, *сокровищем*, слова Писания, но и *вынести* из них всю полноту Откровения о Царстве, не останавливаясь на букве

⁵⁶ Ср. Мф. 12, 49–50.

⁵⁷ Ср. Мф. 5, 3–10.

⁵⁸ Мф. 13.

⁵⁹ Мф. 13, 51. Ср. лаконичность греч. текста: *Συνήκατε ταῦτα πάντα; λέγουσιν αὐτῷ ναί.*

⁶⁰ Наряду с упомянутым выше евангелистом Марком (см.: Примеч. 1), Лука, несмотря на то, что не отвергает за учениками полностью возможность интеллектуального роста, использует мотив *непонимания* для иллюстрации Божественного плана, в соответствии с которым ученики промыслительно *удерживаются* от уразумения тайны крестных страданий Христа (ср. Лк. 24, 16). Ср.: Artyushin 2014. P. 380 и далее.

⁶¹ Мф. 13, 52.

Закона, не ограничиваясь лишь внешним и видимым, мелочным проявлением праведности по примеру *вождей слепых*, книжников и фарисеев, повергающих своих последователей в еще более гибельное состояние, чем то, в котором находятся они сами⁶². В контексте той ожесточенной полемики, которую Христос ведет с последними в Иерусалимском храме, подвергаются критике сами понятия *учитель*, *отец* и *наставник*, поскольку за этими внешними знаками отличий, за блестящими знаниями и видимым авторитетом часто скрываются лицемерие и внутренняя нечистота, и потому встретившееся нам ранее *легкое бремя* учения, возлагаемое Христом на плечи Его последователей, намеренно противопоставляется *бременам тяжким и неудобоносимым*, которые фарисеи насильственно возлагают на плечи своих учеников и тем самым осознанно затворяют для последних вход в *Царство Небесное*, чтобы сделать других сообщниками своего нечестия⁶³.

В лице упомянутых псевдоучителей и псевдонаставников во всех подробностях предстает доведенный до гротеска идеал *безумия*, синонимом которого служат ослепление ума, лицемерие и лукавство⁶⁴.

⁶² Ср. Мф. 23, 15.

⁶³ Мф. 23, 4.13.

⁶⁴ Мф. 25, 19. В греч. тексте: *μωροί* (ст. 17). *Безумие* как отличительная черта нерадивого ученика характеризует и евангельских дев из притчи о *десяти девах* (Мф. 25, 1–13). Интерес евангелиста к этому мотиву очевиден. Так, в самом начале Нагорной проповеди — богословском манифесте Мессии — непосредственно после «блаженств» ученики сравниваются с *солью земли*, открывающей миру вкус учения Христова. Глагол *μωραίνω* (досл. «делать неразумным», «безвкусным») в данном случае передает идею потери солью ее естественной силы (Мф. 5, 13). Вслед за этим первая антитеза, затрагивающая шестую заповедь Декалога «не убивай» (Исх. 20, 13), построена по принципу *a minori ad majus*, характерному для раввинистической экзегезы: степень наказания человека за напрасный *гнев* по отношению к собрату постепенно возрастает: по Матфею (Мф. 5, 22), нет выше оскорбления и пагубнее греха по отношению к ближнему, чем назвать его безумным (*μωρέ*)! В заключение, в контексте настойчивого призыва *слушать* и *исполнять* Его слова, Христос подводит итоги всей проповеди,

От этой опасности бесцельного изучения и исполнения чуждых духу Евангелия правил и предписаний, приводящих в конечном итоге к потере всяких жизненных ориентиров — и в первую очередь той *веры*, которая уже изначально подвержена колебаниям и сомнениям — Христос и предостерегает своих учеников. Только у Матфея полемика Мессии с представителями научной элиты приобретает такой небывалый размах и обостряется до предела, поскольку от этого зависит личное *спасение* и успех готовящейся миссионерской проповеди хотя бы того *малого стада избранных*⁶⁵, которые готовы, по примеру Учителя, уже вступившего на дорогу страданий, *отречься от себя и взять свой крест*⁶⁶. Подчеркнем здесь, что несение личного креста, по Матфею, напрямую связано с неуклонным продолжением учебы, суть которой заключается в непрестанном духовном возрастании, в безропотном прохождении евангельской школы смирения, в следовании за Христом, Вступающим на дорогу страданий.

Непривычный для нашего слуха императив — Христос в последний раз открыто призывает Своих учеников: «*Научитесь!*» — как ни странно имеет объектом *бесплодную смоковницу*, незадолго до этого проклятую Им. «*Научиться от смоковницы притче*»⁶⁷ означает, как и в случае с *лилиями*, внимательно изучать природные явления и проявлять осмотрительность, наблюдая за ростом смоковничных листьев, — это и будет одним из признаков Второго пришествия Сына Человеческого. Этой житейской *мудрости* и необходимо научиться, поскольку именно

наглядно иллюстрируя негативный опыт неприятия и неисполнения Своих слов на примере *безумца* (ἀνὴρ μωρός), построившего свой дом на песке (Мф. 7, 26). Остается добавить, что, по логике Евангелия (Мф. 7, 23), *безумие* в отсутствие дел праведности неизбежно влечет за собой творение *беззакония* — еще один излюбленный мотив евангелиста. Ср. Мф. 13, 41; 23, 28; 24, 12.

⁶⁵ Ср.: Мф. 22, 14; Лк. 12, 32.

⁶⁶ Мф. 16, 24.

⁶⁷ Мф. 24, 32.

она соделала *мудрых дев* участницами брачного пира с Женихом⁶⁸, являющегося одной из ярких метафор таинственного союза равноангельной души монаха с Богом, согласно святоотеческой экзегезе⁶⁹. Таким образом, награда усердного и послушного ученика, сравниваемого с добрым и верным рабом, укоренена в слушании и исполнении *непреходящих слов* Учителя⁷⁰, в бодрствовании над собой и в постоянной готовности дать Господу отчет о надлежащем использовании *талантов*⁷¹.

Итак, положительный образ *книжника*, в котором находит воплощение идеал ученика, по Матфею, зиждется на внимательном изучении и исполнении слов Писания, на неустанном пополнении своей *сокровищницы* знаний, призванных стать достоянием личной веры, но это лишь первый, подготовительный этап, без которого знания так и останутся лишь никому не нужной грудой информации, безжизненным перечнем правил, неизбежно сводящихся к морализму. Вслед за этим обязательно должно последовать творческое наполнение новым смыслом тех слов в свете евангельской проповеди и, что важнее всего, в свете личного примера Самого Христа, Которому *передано от Отца все знание*⁷². В этом смысле Ветхий и Новый Заветы становятся для подлинного ученика Царства Небесного единой нитью истории, содержанием которой является *милосердие* Божие к находящемуся под бременем греха человеку. В рамках этой единой ветхо- и новозаветной истории спасения — где в центре оказывается немощный и колеблющийся в вере человек, в котором мы легко узнаем самих себя⁷³, — находит исполнение и идеал

⁶⁸ Мф. 25, 1–13.

⁶⁹ Избранные отрывки из святоотеческих творений можно найти в издании: Библейские комментарии 2007. С. 267 и далее.

⁷⁰ Ср. Мф. 24, 35.

⁷¹ Мф. 25, 19.

⁷² Мф. 11, 27.

⁷³ Благодаря тому, что качества ученика, упомянутые в Евангелии, знакомы и нам, для нас как внимательных читателей становится возможным идентифицировать путь веры учеников со своим собственным, т. е. уподобиться, отождествиться с ними, читая священ-

ученика, знающего на собственном опыте, насколько велико полученное даром и соответственно насколько высока ответственность за достойное применение этого дара, и потому все Евангелие пронизано указаниями на своевременное исправление учеником дурных навыков и допущенных ошибок⁷⁴. *Милосердие* как жизненный идеал и одна из наиболее ярких граней добродетели *совершенства*⁷⁵ с приходом Христа становится мерилом взаимоотношений между учащими и учащимися в церковной общине. Оно и является видимым знаком присутствия в этой малой общинной школе Самого Христа посредством Его собственных слов, которые не прейдут⁷⁶, поскольку в них становятся достоянием веры каждого ученика *ветхое и новое*, достигает своей полноты *малейшая черта из закона*⁷⁷.

Заключительная сцена Евангелия⁷⁸, грандиозная по масштабам, представляет собой интронизацию Мессии, Его торжественное восшествие на кафедру, с высоты которой Он и впредь будет учить своих, но уже не один. Действительно, евангелист акцентирует наше внимание на отмеченном выше аспекте присутствия Христа в Церкви *малых сих*, в Церкви учеников. Воскресший Учитель предстает перед ними во всем величии Своей неземной славы и могущества, как Пантократор в раннехристианских базиликах⁷⁹, и сообщает им, преклонившим пред Ним колени, — как в самом начале евангельской истории это сделали

ный текст. В этом и состоит опыт нарративного анализа, заключающегося в активном прочтении и непосредственном *проникновении* в повествовательную ткань текста. Ср.: Grilli 2011. P. 7. Более подробно и обстоятельно эта, так называемая «текстуальная», модель *читателя*, рассматривается в статье: Grilli 1993. P. 447–459.

⁷⁴ Ср. Мф 21, 28–31. Идеализация самого учебного процесса со стороны евангелиста находит наглядное подтверждение в следующей, идеальной, сцене: Мф. 16, 5–12.

⁷⁵ Ср. Мф. 5, 48.

⁷⁶ Мф. 24, 35.

⁷⁷ Мф. 5, 18.

⁷⁸ Мф. 28, 16–20.

⁷⁹ Ср.: Fusco 1994. P. 15.

вохвы! — Свою последнюю волю⁸⁰. Последний евангельский *императив* наделяет неограниченной властью бывших учеников: теперь уже им надлежит научить, а дословно — *сделать учениками Царства Небесного все народы; учить их всему, что было заповедано им самим, учить по примеру Учителя, то есть в духе кротости и милосердия*. Данная миссионерская программа все так же жидется на видимом присутствии Воскресшего рядом с выходящими на проповедь новопосвященными учителями. «*Аз есмь с вами!*» становится символом всего пройденного ими пути и напутствием для всех учеников и учителей *во все дни до скончания века*.

Подводя итоги всего пути, пройденного нами по стопам учеников, в который раз подчеркнем важность и исключительность личного примера Христа. Научаться на этом примере, как было видно из Евангелия,

⁸⁰ Единственное, что нарушает гармонию в этой идеальной сцене, — это следующее замечание евангелиста: «*И, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились*» (Мф. 28, 17). Причиной сомнений и колебаний, не оставляющих учеников Христовых и по Воскресении, служит *маловерие*, на котором настаивает евангелист на протяжении всего повествования. Более подробно об этом мотиве см.: Fusco 1994. P. 49 и далее.

С филологической точки зрения, 17-й стих в греческом оригинале представляет собой настоящую загадку для экзегетов. Возможность различных интерпретаций исходит из самого текста в силу его лаконичности, а также по причине семантической амбивалентности слова, подразумеваемого артиклем *οἱ καὶ ἰδόντες αὐτὸν προσεκύνησαν, οἱ δὲ ἐδίστασαν*. Варианты перевода — таковы:

1. *И, увидев Его, поклонились Ему, а иные (не эти ученики) усомнились.*
2. *...Поклонились Ему: те, которые прежде усомнились.*
3. *...А некоторые из них усомнились.*

Последний вариант является предпочтительным, поскольку отражает богословский замысел евангелиста, необыкновенно реалистично воссоздающего облик учеников Христовых: несмотря на то, что они уже утвердились в вере, к ней постоянно примешивается сомнение (ситуация, ярко характеризующая путь веры каждого, кто встал на путь Христа и терпеливо постигает Его учение). Исходя из этого, можно даже утверждать, что залогом успеха евангельской педагогики милосердного и смиренного сердцем Мессии является «как всегда одновременное присутствие [в учениках] веры и нерешительности, ясности и неуверенности» (Maggioni 1983. P. 368–369).

потому и является настоящим вызовом для противников и первостепенной задачей для последователей кроткого Мессии, что расставляет совершенно новые акценты в отношениях между Богом и человеком, в понимании Бога как Личности и, как следствие, в самом богословии, к формулированию которого призвана первохристианская община учеников.

В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть вопрос об исторических реалиях, обусловивших возникновение Евангелия как такового и богословских акцентов, затрагивающих идеал ученика. Это позволит нам более ярко выразить скрывающийся за ними замысел самого евангелиста и более четко очертить умело разработанную им композицию⁸¹. Евангелие от Матфея, по сути своей, является миссионерским текстом, который был написан не только для того, чтобы изложить жизнь Иисуса Христа, но прежде всего для того, чтобы помочь первохристианской общине, находившейся в поисках своей идентичности и своего призвания. По мнению подавляющего большинства ученых⁸², малая Церковь евангелиста

⁸¹ В основу нижеприведенного анализа исторических предпосылок и богословских нюансов в понимании миссии евангелистом положены избранные тезисы одной из глав монографии западного теолога Д. Боша, посвященной библейским основаниям миссии в Новом Завете, см.: Bosch 1991. В современной западной библеистике и миссиологии этот труд считается одним из наиболее целостных и авторитетных по данной теме. Ср. итал. пер.: *La trasformazione della missione: mutamenti di paradigma in missiologia*. Brescia, 2000. Данные тезисы представляют большой интерес в контексте рассматриваемых нами проблем и в сжатом виде доступны в онлайн-версии миссионерского журнала "Missione Oggi" (www.saverianibrescia.it), а также см.: Bosch 2016. Здесь будет уместно сослаться также на содержательную статью: Grilli 2003.

⁸² В современной западной библеистике одним из ведущих специалистов по Евангелию от Матфея является У. Луц, подробно освещающий затронутый нами вопрос во введении к своему комментарию на Евангелие: Luz 1990. Bd. 1. (Mt. 1–7). S. 62–70. Ср. также научно-популярный комментарий: Grilli 2011. P. 7–10. В русскоязычной среде следует отметить обстоятельное исследование прот. Леонида Грилихеса, убедительно и доходчиво объясняющее исторические реалии (*Sitz im Leben*), стоящие за евангельским нарративом: Грилихес Л., прот. 1999. С. 12–18, 37–42.

Матфея представляет собой иудео-христианскую общину, покинувшую историческую родину незадолго до Иудейской войны⁸³ и оказавшуюся в преимущественно языческом окружении, по всей вероятности, в Сирии. Эта община ищет свой путь перед лицом новых проблем: не только внешних, но и внутренних. В ней постепенно выделяются два противостоящих друг другу и крайне радикально настроенных лагеря: непримиримые защитники верности иудейскому Закону и так называемые «энтузиасты», сторонники эллинистической ментальности, так же ревностно выдвигавшие в качестве основного критерия в жизни верующих руководство Духом Святым.

Евангелист не дает оценку различиям между этими двумя противостоящими друг другу группами, но руководствуется логикой, которой следует Христос во время Своего служения, пытаясь применить ее к новым обстоятельствам жизни. Его логика, по всей видимости, заключается в следующем: преодолеть внутренние разделения возможно, только объединив свои силы на миссионерском служении, обращенном к язычникам, среди которых и живет эта община. Евангелист Матфей желает, чтобы его община не рассматривалась более как изолированная группа, наподобие секты, но поняла, что является Церковью Христа. И действительно, Матфей — единственный из евангелистов, кто использует термин «церковь»⁸⁴. Итак, цель его Евангелия, с одной стороны, — *пастырская*, поскольку он стремится вселить уверенность в членов своей общины, переживающей кризис; а с другой — *миссионерская*, так как евангелист открывает им глаза и помогает воочию убедиться в том, что и в этой обстановке им ничто не препятствует совершать свое служение и свидетельствовать о Христе.

Нам остается рассмотреть, каков идеал учеников в Евангелии от Матфея. Его можно обозначить как «ученики-миссионеры».

Во-первых, как явствует из евангельского эпилога, представляющего собой миссионерский манифест⁸⁵, каждое слово в нем укоренено в истории

⁸³ 66–71 гг. по Р. Х.

⁸⁴ См.: Мф. 16, 18; 18, 17. См. выше: Примеч. 51.

⁸⁵ Мф. 28, 16–20.

Христа, рассказанной евангелистом. Как уже было отмечено, само понятие *учить*, по мысли Матфея, указывает не только на интеллектуальную деятельность, как это было характерно для греческой культуры. Учение Христа апеллирует преимущественно к волевым качествам Его слушателей, напрямую требует решимости следовать за Ним и подчиниться воле Божией. Евангелист обращает внимание на то, что для Самого Христа и Его учеников решающую роль играет именно *воля*⁸⁶ Божия: тот, кто становится учеником и принимает крещение от посланников Христа, должен следовать за Христом точно так же, как это делали Его двенадцать учеников.

Для евангелиста *миссия* заключается в том, чтобы *делать учениками* других: всем обеспечить возможность сделаться учениками Христовыми. И потому сам термин «ученик», по Матфею, относится

⁸⁶ Воля Божия, воля Христа и произволение человека находятся в тесной связи друг с другом, по Матфею. В отличие от остальных синоптиков, он намного подробнее освещает этот вопрос и намеренно прибегает к рассмотрению этой проблемы в стратегически важных местах своего рассказа. Так, в наиболее драматичный момент нарратива Страданий (Мф. 27, 43) евангелист вкладывает в уста первосвященников и книжников, злословящих Христа на Кресте, прообразовательные слова Писания, которые тем самым служат немым укором и иронической насмешкой по отношению к самим говорящим — ученой элите, прекрасно сознающей свою власть и несомненное первенство и превосходство в истолковании воли Божией: «Упова на Бога: да избавит ныне Его, *аще* *хочет* ему [εἰ θέλει αὐτόν]» (Пс. 22, 8). Значение глагола θέλω (ср. евр. רצוּן), который в Синод. пер. имеет более оттенок благоволения (*если Он угоден Ему*), не исчерпывается лишь сферой личных симпатий и предпочтений, довольно часто отдаваемых Учителем произвольно и инстинктивно — лишь наиболее приятным и приносящим желаемые результаты ученикам. В богословском контексте всего Евангелия это Божественное *произволение*, выражающееся в *соизволении* конкретному человеку, заключается в безграничном *милосердии*, простирающемся на всех без исключения (ср.: Мф. 9, 12–13; 12, 7; Ос. 6, 6). Милосердие как жизненный принцип лежит в основании всего Домостроительства спасения, так ярко и рельефно представленного на страницах первого Евангелия. В этом, в конечном итоге, и заключается смысл третьего прошения молитвы Господней: «*Да будет воля Твоя*» (Мф. 6, 10). Ср.: Schrenk 1937. S. 44–62.

не только к двенадцати избранникам, как у евангелистов Марка и Луки, а сохраняет свое значение во все времена: связь, существовавшая между Учителем и первыми учениками, преобразуется в нечто выходящее за пределы того конкретного исторического момента, и потому, чтобы сохранить *преемство* с идеалом Учителя, Его последователи должны, по собственному образцу, делать учениками других.

Во-вторых, евангелист выделяет два аспекта, которые переживаются учениками в креативном напряжении, взаимодействуя друг с другом, что само по себе немаловажно ввиду той миссии, которая им предстоит: с одной стороны, он изображает *их близость со Христом*; с другой — настаивает еще более, чем прочие Евангелия, на их *почтительном отношении и зависимости* от Него.

Первый аспект акцентирует внимание на том, что Воскресший Христос *пребывает со Своими учениками* до скончания времен. Он — Эммануил, «С нами Бог», поэтому в Евангелии от Матфея не находится места рассказу ни о Вознесении, ни о сошествии Святого Духа и нет необходимости говорить о возвращении Христа: да и как это могло бы произойти, если Тот, напротив, остается и *пребывает со Своими учениками*?⁸⁷

Присутствие Христа, продолжающееся во времени, напрямую связано с миссионерскими обязанностями Его учеников; не в том смысле, что если они принимают их на себя, Христос остается с ними, а в смысле прямо противоположном: именно потому, что Христос продолжает присутствовать среди Своих учеников, они и отправляются в миссию. Действительно, Он призвал их именно для того, чтобы они «разделили Его участь»⁸⁷. Заключается она в том, чтобы они, с одной стороны,

⁸⁷ Тема *солидарности* учеников со своим Учителем с особой силой звучит в 25 главе Евангелия, заключительные строки которой (стихи 31–46) служат прелюдией к истории Страданий. Эсхатологические образы грядущего Суда немислимы в отрыве от дел милосердия по отношению к ближнему, на основании чего и определяется принадлежность одних к избранному стаду кротких *овец* — учеников и подражателей Христа-Странника,

приняли участие в «Его страданиях», а с другой — чтобы разделить и «Его власть» *делать учениками* все языческие народы.

Второй аспект указывает на то, что для Своих учеников Христос является не просто руководителем, а *Господом*. Именно так они обращаются к Нему в Евангелии, в то время как противники Христа называют Его *Учителем*. Кроме того, Он — Тот, Кому *была дана всякая власть* на небе и на земле; Тот, перед Кем ученики «падают ниц» в знак подчинения и почитания, подобающего *Одному Богу*⁸⁸. В этом также проявляется и осознание учениками собственной немощи и уверенность в Нем *Одном*: качества и взаимоотношения, которые являются основополагающими для любой миссии.

В-третьих, от тех, кто желает стать настоящими учениками, Христос требует *приносить плоды*. Евангелист Матфей видит миссию в совершенно оригинальном ракурсе, свойственном только ему: он отделяется от двух радикальных направлений в своей общине: как от «легалистов»,

а других — к стаду отверженных и подлежащих проклятию *козлиц*. Многочисленные примеры служения страждущему — *труждающемуся и обремененному*, как и служения Христа человеку, раскрывают во всей полноте идеал послушания воле Божией, без которого невозможно подлинное изучение науки Христа. Действительно, пример солидарности со Своими последователями первым подает Сам Христос в Евангелии. Он не только призывает их к ответственности словами: «*Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”*, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21), но и берет на Себя все бремя этой ответственности, молясь пред лицом неминуемо грядущих Крестных Страданий: «*Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты*» (Мф. 26, 39).

⁸⁸ Обращаясь к событиям Страстей Христовых, нельзя не заметить, что у Матфея, в отличие от Марка, значительно скрашена трагедия Креста: редакционные акценты евангелиста имеют целью показать, что Учитель «заранее знает и доминирует над ходом событий» (Мф. 26, 18.50.52–54.61.64; 28, 16–20), делая таким образом из истории Страданий христологическое Откровение» (Moreschini, Norelli 1995. P. 90). Схожая тенденция прослеживается и в Евангелии от Луки: ср. Лк. 9, 51; 13, 31–33; 19, 41–44; 23, 34.42–44.46. См.: Artyushin 2014. P. 313–350.

для которых имеют вес только Закон и правочерность, *ортодоксия*, так и от так называемых «экзальтистов», энтузиастов, тяготеющих к спиритуализму⁸⁹. Всем представителям этих фракций он указывает на *необходимость* «правочерления», *ортопраксиса*: по плодам видно, руководствуется ли кто Духом святым или нет, ведь доброе дерево приносит добрые плоды⁹⁰. Вот почему среди рассказов о Христе, степень распространения которых регулировало предание, Матфей выбирает именно те, которые сообщают о конкретных действиях и, в частности, о *делах Христа*⁹¹. Среди слов Христа он выбирает те, в которых звучит требование *совершить* волю Божию, *приводить в исполнение* Его заповеди, *творить правду*⁹².

⁸⁹ Необходимо принять во внимание, каких размеров достигло на тот момент противостояние между этими соперничающими друг с другом группами. Как отмечает Д. Хэгнер (Hagner 1995. P. LXIII), «евангелист затрагивает некоторые неотложные вопросы... Его община, по всей вероятности, испытывала [внутренние] разделения: [отдельные ее представители] оставляли Закон и даже отступали [от веры]. Он сурово предостерегает [членов своей общины] от “лжепророков”, т. е. харизматичных энтузиастов, которые проповедуют, изгоняют бесов и исцеляют — и все во имя Иисуса... Вина этих ложных пророков состоит в том, что они являются “делателями зла”, приносящими “худые плоды”» (ср. Мф. 7, 15–17). В этом контексте становится понятно, почему евангелист Матфей уделяет особое внимание именно проблеме *малочерия* и подверженности *соблазнам* учеников Христовых.

⁹⁰ Ср. Мф. 7, 19.

⁹¹ Мф. 11, 2. Ср. Мф. 5, 16; 9, 37–38; 11, 19; 20, 1–8; 23, 3–5; 26, 10.

⁹² Глагол *πληρῶω* (*исполнять, наполнять, совершать*) в Евангелии от Матфея выполняет важную роль, поскольку регулярно указывает не только на исполнение слов Писания (ср. Мф. 1, 22), но и на выполнение человеком Божественной воли, которую эти слова выражают (ср. Мф. 3, 15). Обратим внимание и на то, что мотив *исполнения* получает развитие и в знаменитой секции «горе вам» (Мф. 23), где итогом обличительной тирады Христа становится ироничный императив: *καὶ ὑμεῖς πληρῶσατε τὸ μέτρον τῶν πατέρων ὑμῶν* (ст. 32). Личное местоимение «вы» (*ὑμεῖς*), стоящее в эмпатической позиции, в данном случае заключает в себе немалый прагматический потенциал, поскольку адресовано всем, кто сознательно не принимает учения и не следует примеру дел Христа.

Следовательно, миссия не может быть сведена на индивидуальный уровень, только к личному обновлению или особой личной гарантии вечного спасения, но подразумевает, что новообращенные будут с самого начала чуткими к нуждам других и деятельными в отношении несправедливости, страдания и угнетения слабых.

В-четвертых, как уже было отмечено, Матфей — единственный из евангелистов, кто вкладывает в уста Спасителя термин *ἐκκλησία* (церковь). Необходимо сразу же уточнить, что нет автоматического соответствия между членами Церкви и учениками Христа. Появление новых учеников не указывает лишь на численное расширение, распространение Церкви в количественном отношении, ведь, по сути своей, каждый член Церкви должен быть настоящим учеником. Однако это не всегда так в христианских общинах, знакомых евангелисту, поэтому он и ссылается на притчу о *плевелах*, которые растут вместе с *пшеницей*⁹³, и на притчу о *бесполезных рыбах*, которые иногда попадают в сети Царства⁹⁴. Среди верующих есть и принявшие Христа поверхностно и потому с легкостью отрекающиеся от своей веры в минуту испытаний, уступая искушениям и давлению со стороны этого мира⁹⁵.

Итак, евангелист Матфей обращает внимание на то, что *стать учеником многого стоит*. Для него Церковь существует только в той мере, в какой ученики живут в общности жизни друг с другом и со своим Господом и пытаются пребывать в согласии с волей Отца. Исторические реалии жизни этой первохристианской общины убедительно свидетельствуют о том, что в ее основание положен именно идеал *милосердия*, в свете которого обретает ценность и становится приоритетным такое направление евангельского служения, при котором ученик не теряет из вида пример

По вопросу о характере исполнения Ветхого Завета в Новом отсылаю к монографии М. Грилли, в которой раскрывается весь спектр значений указанного глагола: Grilli 2007.

⁹³ Мф. 13, 24–30.

⁹⁴ Мф. 13, 47–50.

⁹⁵ Мф. 13, 20–22.

Христа, а продолжает совершать Его дело и приносить осязаемые плоды, продолжает отсекаать свою волю в полноценном общении жизни, в аскетическом напряжении духа и упражнении ума с такими же, как и он сам, учениками и учителями высшей праведности, имя которой — милосердие.

Подводя итоги проведенного исследования, обратимся вновь к образу ученого монаха как *ученика Царства* и учителя праведности, исполняющего высокую миссию одновременно и в церковной общине, и в академической среде, и, что важнее всего, в тайниках своего сердца, незримо постигающего науку Христа в личном соприкосновении с тайной Его Божества, с тайнами богопознания и глубинами святости, сокрытыми в подаваемом Им примере, постигающего науку Христа в таинственном поучении Премудрости Божией во время молитвы, совершаемой, как правило, тоже *втайне*⁹⁶, в уединении кельи, служащей для ученого монаха одновременно и рабочим кабинетом. В чем же состоит глубинная суть его миссии, каковы *плоды* его научных трудов и его не менее важной воспитательской деятельности? Приведем в качестве эпилога, открытого для дальнейшего изучения *втайне*, несколько избранных цитат из святоотеческих творений, выражающих этот идеал с высоты того опыта святости и происходящего из него богословия, который с трудом поддается пониманию начинающего ученика и подражать которому он оказывается еще менее способен. Так, несение благого ига и легкого бремени Христова как эталон духовного совершенства ученика, преуспевающего в постижении этой высшей науки, высшей *справедливости*, свт. Григорий Богослов применяет к современным ему монахам, называя их «братьями и соучастниками бедности». Взять на себя это иго означает отречься от всего и тем самым освободиться от всего, что препятствует изучению науки из наук — примера *слов и дел* Христа: «Ибо нам должно или все оставить для Христа, дабы, взяв крест, истинно следовать за Ним⁹⁷, и, сделавшись легкими, развязан-

⁹⁶ Мф. 6, 6.

⁹⁷ См. Мф. 16, 24.

ными и ничем не увлекаемыми вниз, как на крыльях, лететь к горнему миру, и, возвысившись смирением, обогатившись убожеством, в замену всего приобрести Христа⁹⁸; или разделять свое имущество со Христом, дабы и самое обладание имуществом освятилось через то, что мы будем обладать им как должно и соучастниками в нем будут немущие»⁹⁹.

Более того, идеал *милосердия* становится мерилom самой добродетели и духовного совершенствования, эталоном взаимоотношений Бога и человека, Учителя и ученика: «Ибо никакое служение так не угодно Богу, как милосердие (потому что оно всего более сродно Богу, Которому предходят *милость и истина*¹⁰⁰ и Которому должно приносить в дар милость¹⁰¹ прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положивший на *мерилех* и *весах милость*¹⁰², ни за что так не награждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие»¹⁰³.

Этим словам вторит суровое предостережение свт. Иоанна Златоуста, в его комментарии к притче о десяти девах: «Так как девство — дело великое и многие имели о нем высокое понятие, то, чтобы кто-либо, храня его, не предался беспечности, как бы уже исполнивший все, и не стал нерадеть о прочем, Христос приводит эту притчу, которая может убедить в том, что девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными; и бесчеловечный и немилосердный поставляется наравне с ними»¹⁰⁴.

⁹⁸ См. Флп. 3, 8.

⁹⁹ Григорий Богослов, свт. Слово 14. О любви к бедным (Григорий Богослов, свт. 1912. С. 214).

¹⁰⁰ Пс. 88, 15.

¹⁰¹ Иак. 2, 13.

¹⁰² Ис. 28, 17.

¹⁰³ Григорий Богослов, свт. Слово 14. О любви к бедным (Григорий Богослов, свт. 1912. С. 206).

¹⁰⁴ Толкование на св. Матфея Евангелиста. Беседа 78. Мф. 25, 1. См.: Иоанн Златоуст, свт. 1901. С. 785.

Итак, Златоуст в том же духе предостерегает взявших на себя иго Христово от опасности перестать учиться у Самого Христа, поучаться Его примеру, Его *словам и делам*, а значит, и находиться в непосредственной близости к Нему, в таинственном собеседовании и личном общении, в общности жизни с Ним и Его подлинными учениками, *учениками Царства и учителями святости*. В противном случае, упуская из виду Христа, направляя свои стопы за иными учителями, приобретая сокровища знаний только здесь, на земле, то есть *собирая их не со Христом* и не в ограде Церкви Христовой; прилежный ученик, но нерадивый монах будет неизбежно *расточать их*¹⁰⁵. И вопреки своему высокому званию и заслугам как отца, наставника и учителя он окажется неспособным пронести в своем учении, как в прохуdivшихся *мехах*¹⁰⁶, свою *веру* и научить ей других, поскольку потеряет самое главное: то самое *сокровище, которое ни моль, ни ржа не истребляют*¹⁰⁷. Этим высшим знанием и высшей праведностью, которым учит Евангелие, является бесценное сокровище Царства, то *знание*, научиться которому невозможно, поскольку оно не человеческой, а Божественной природы и потому в высшей степени исключительно. В конечном итоге, подлинное знание каждый верный ученик Христов находит в глубинах собственного сердца¹⁰⁸, поскольку это сокровище поистине является даром и уже изначально присутствует как залог, но лишь в тех, кто кроток, смирен и *чист сердцем*¹⁰⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Грилихес Л., свящ. 1996 — Практический курс древнееврейского языка Ветхого Завета: первый год обучения / Сост. Л. Грилихес, свящ., Е. Б. Новиков. М., 1996. [Prakticheskii kurs drevneevreiskogo iazyka Vetkhogo Zaveta: pervyi god obucheniia (Practical course of the Hebrew language of the Old Testament: first year of study) / Sostaviteli L. Grilikhes, priest, E. B. Novikov. Moscow, 1996.]

¹⁰⁵ Ср. Мф. 12, 30.

¹⁰⁶ Ср. Мф. 9, 17.

¹⁰⁷ Мф. 6, 20.

¹⁰⁸ Ср. Мф. 6, 21 пар.

¹⁰⁹ Мф. 5, 8.

- Гриликес Л., прот. 1999 — *Гриликес Л., прот.* Археология текста. Сравнительный анализ Евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. М., 1999. [*Grilikhes L., archpriest.* Arkheologiia teksta. Sravnitel'nyi analiz Evangelii ot Matfeia i Marka v svete semitskoi rekonstruktsii (Archeology of the text. Comparative analysis of the Gospels of Matthew and Mark in light of the Semitic reconstruction). Moscow, 1999.]
- Филофей (Артюшин), иерод. 2015 — *Филофей (Артюшин), иерод.* Образ Мессии в Евангелии от Матфея: от нарративного анализа к нарративному богословию // Материалы ежегодной научно-богословской конференции СПбДА. 30 октября 2015 г. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». 1 октября 2015 г. Сборник докладов. СПб., 2015. С. 28–33. [*Philotheus (Artiushin), hierodeacon.* Obraz Messii v Evangelii ot Matfeia: ot narrativnogo analiza k narrativnomu bogosloviu (The image of the Messiah in the Gospel of Matthew: from narrative analysis to narrative theology) // Materialy ezhegodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii SPbDA. 30 oktiabria 2015 god. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii “Prikhodskoe sluzhenie i obshchinnaia zhizn'”. 1 oktiabria 2015 god. Sbornik dokladov (Materials of the annual scientific and theological conference of SPbThA. October 30, 2015 Materials of the international conference “Parish Ministry and Community Life”. October 1, 2015. Collection of reports). Saint Peterburg, 2015. P. 28–33.]
- Artyushin 2009 — *Artyushin S.* Colui che fa misericordia. Lc. 10, 25–37 in chiave comunicativa. R., 2009.
- Artyushin 2014 — *Artyushin S.* Raccontare la salvezza attraverso lo sguardo. Portata salvifica e implicazioni pragmatiche del “vedere Gesù” nel Vangelo di Luca. R., 2014 (Tesi Gregoriana. Serie Teologia 203).
- Bosch 1991 — *Bosch D. J.* Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission. Maryknoll (NY), 1991.
- Bosch 2016 — *Bosch D. J.* I molti volti della missione nel Nuovo Testamento. Ritorno alle radici della missione. II. La missione in Matteo // URL: <http://www.chiesamissionaria.it/ita/Bibbia/Bosch/Matteo.htm> (дата обращения 16.06.2017).
- Fusco 1994 — *Fusco V.* La casa sulla roccia. Temi spirituali di Matteo. Milano, 1994.
- Greeven 1959 — *Greeven H.* Προσχυνέω, προσκύνησις // Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / Ed. G. Kittel, G. Friedrich. Stuttgart, 1959. Bd. 6. S. 758–766.
- Grilli 1993 — *Grilli M.* Autore e lettore: il problema della comunicazione nell'ambito dell'esegesi biblica // Gregorianum. 1993. Vol. 74. P. 447–459.

- Grilli 2003 — *Grilli M.* Il mandato missionario. Lettura di Mt. 28, 16–20 in chiave comunicativa // *Studia Missionalia*. 2003. Vol. 52. P. 23–50.
- Grilli 2007 — *Grilli M.* Quale rapporto tra i due Testamenti? Riflessione critica sui modelli ermeneutici classici concernenti l'unità delle Scritture. Bologna, 2007.
- Grilli 2011 — *Grilli M.* Scriba dell'Antico e del Nuovo. Il Vangelo di Matteo. Bologna, 2011.
- Grilli 2016 — *Grilli M.* Il discorso della montagna. Utopia o prassi quotidiana? Bologna, 2016.
- Guidi 2016 — *Guidi M.* La chiamata al discepolato e l'apprendimento della misericordia (Mt 9, 9–13) // *I vangeli della misericordia* / Ed. G. Michelini. Milano, 2016. P. 9–36.
- Hagner 1995 — *Hagner D. A.* Matthew 1–13. Dallas (TX), 1993 (*Word Biblical Commentary* 33A).
- Kim 2005 — *Kim J. R.* “Perché io sono mite e umile di cuore” (Mt. 11, 29): studio esegetico-teologico sull'umiltà del Messia secondo Matteo: dimensione cristologica e risvolti ecclesiologici. R., 2005 (Tesi Gregoriana. Serie Teologia 120).
- Liddell, Scott, Jones 1961–1996 — *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1961–1996.
- Luz 1990 — *Luz U.* Das Evangelium nach Matthäus. Neukirchen-Vluyn, 1990. Bd. 1. (Mt. 1–7). Bd. 2. (Mt. 8–17). Bd. 3. (Mt. 18–25).
- Maggioni 1983 — *Maggioni B.* Il racconto di Matteo. Assisi, 1983.
- Mello 1987 — *Mello A.* Questa è la nuova alleanza nel mio sangue. Tesi sull'unità dell'antica e della nuova alleanza» // *Studi ecumenici*. 1987. Vol. 5. P. 209–220.
- Moreschini, Norelli 1995 — *Moreschini C., Norelli E.* Storia della letteratura cristiana antica greca e latina. Vol. 1. Da Paolo all'età costantiniana. Brescia, 1995.
- Schrenk 1935 — *Schrenk G.* Δίκη, δίκαιος, δικαιοσύνη... // *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament* / Ed. G. Kittel, G. Friedrich. Stuttgart, 1935. Bd. 2. S. 178–225.
- Schrenk 1937 — *Schrenk G.* θέλω, θέλημα, θέλησις // *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament* / Ed. G. Kittel, G. Friedrich. Stuttgart, 1937. Bd. 3. S. 44–62.
- Stefani 1995 — *Stefani P.* Introduzione all'ebraismo. Brescia, 1995 (Introduzioni e trattati 6).

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

- Библейские комментарии 2007 — Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Т. 16: Евангелие от Матфея 14–28. Тверь, 2007. [Bibleiskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Novyi

ХРИСТОС И УЧЕНИКИ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ

Zavet. Tom 1b: Evangelie ot Matfeia 14–28 (Biblical commentaries of the Church Fathers and other authors of the I–VIII centuries. New Testament. Tome 1b: Matthew 14–28). Tver', 2007.]

Григорий Богослов, свт. 1912 — Григорий Богослов, свт. Творения. СПб., 1912.

Т. 1. [Grigorii Bogoslov, svt. Tvoreniia (Works). Saint Petersburg, 1912. Tom 1.]

Иоанн Златоуст, свт. 1901 — Иоанн Златоуст, свт. Творения. СПб., 1901. Т. 7.

Кн. 2. [Ioann Zlatoust, svt. Tvoreniia (Works). Saint Petersburg, 1901. Tom 7. Kniga 2.]

Nestle, Aland 1993 — Novum Testamentum Graece / Ed. E. Nestle, K. Aland et al. Stuttgart, ²⁷1993.

Abstract

Philotheus (Artushin), hieromonk. “Go, teach all nations...”: Christ and the disciples in Matthew's Gospel

The A. of the article poses the question about what the ideal of a learned monk is. The relationship of a Christian teacher, who sets an example worthy of emulation and his disciple, is considered by the A. in comparison to the relationship found in the gospel of Matthew between Christ as teacher and the Apostles as disciples, all in the context of narrative analysis. The essence of this discipleship is to imitate Christ, who is Meek and Humble of heart (Mt. 11, 29): in incessant spiritual growth, in completing the evangelical school of humility, in self-denial and following the Master on the path of suffering. A clear illustration of this, from the hermeneutic point of view, is the path of the reader, gradually taking root in this teaching and becoming a true disciple of Christ in the process of attentive and proactive reading of the Gospel narrative. The A. explains the choice of this gospel by the fact that the ideal picture of the educational process that produces visible results is absent from the other evangelists, while in Matthew it becomes the focus of many theological themes characteristic of the evangelist: “church of the few”, lack of faith, righteousness, mercy, unity of the two Testaments. The article also deals with the historical realities that led to the emergence of the Gospel as such and theological peculiarities affecting the ideal of the disciple.

Keywords: the Gospel according to Matthew, narrative analysis, text, strategy, apostles, follow Christ, disciple, teacher, church, faith.